

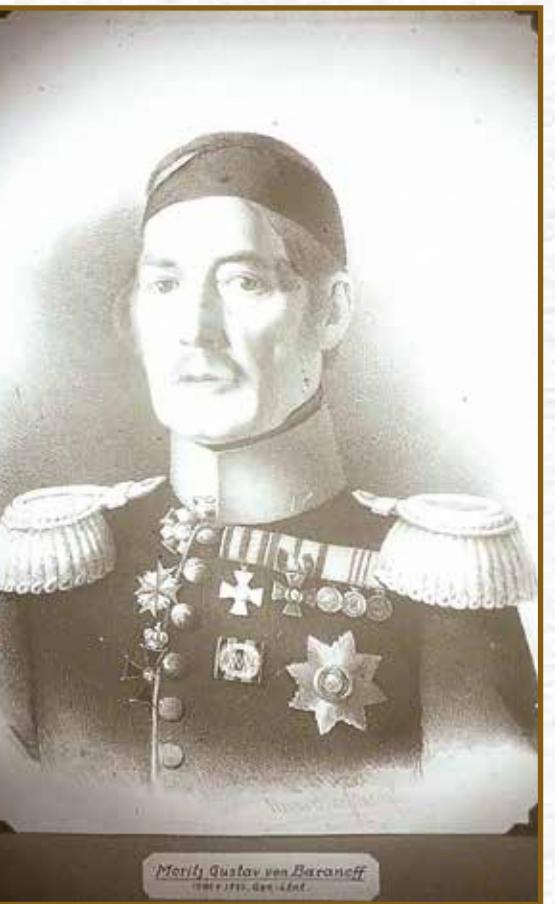
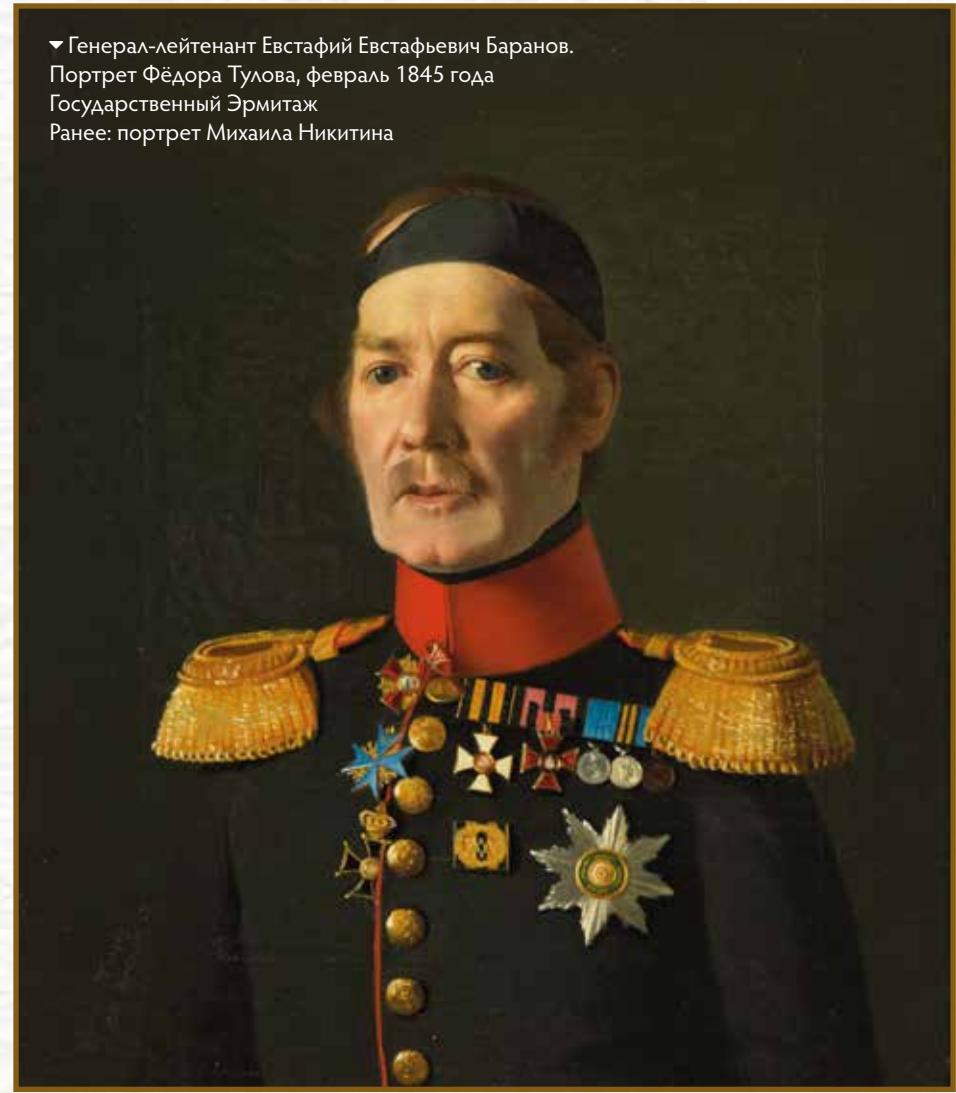
Три чёрные повязки

Александр Кивовский

Продолжая тему атрибуции портретов офицеров и генералов по их боевымувечьям, сегодня мы поговорим о случаях, когда персонаж картины был ранен в голову. Характерная чёрная повязка может стать ключевым признаком для определения имени неизвестного военного. Хотя и тут порою не обходится без ошибок.

В Государственном Эрмитаже хранится портрет пожилого генерала с чёрной повязкой на голове. Картина написана замечательным художником Фёдором Андреевичем Туловым и имеет его подпись с датой — 27 февраля 1845 года. В это время Тулов жил у помещика Александра Ивановича Бенкендорфа в его имении Пропойск (ныне Славгород) в 70 верстах от Могилёва. Художник был настолько близок с семьёй владельцев, что при отъездах они доверяли ему все дела и своих детей (всего их было 13). Для нашего же исследования важно, что и генерал на портрете Турова должен был в 1845 году находиться в центре Могилёвской губернии.

▼ Генерал-лейтенант Евстафий Евстафьевич Баранов. Портрет Фёдора Турова, февраль 1845 года. Государственный Эрмитаж. Ранее: портрет Михаила Никитина

▲ Фото из «Балтийского архива»
Георга фон Круценштерна,
Марбургский университет

Мориц Густав фон Баранов с 1806 по 1831 год под именем Евстафьевич служил в Волынском пехотном полку, пройдя в нём всю лестницу чинов — от прaporщика до генерал-майора. В его рядах он участвовал во многих сражениях. При Бородино, ведя свою роту на штурм батареи, Баранов был ранен в голень левой ноги. Кроме того, пуля пробила насквозь ещё и ляжку правой ноги. От тяжёлой раны Баранов так никогда и не оправился — нижнюю часть левой голени навсегда покрыл болезненный отёк. При штурме Парижа 18 марта 1814 года он опять был ранен в левое бедро. Новое ранение усугубило едва зажившую бородинскую рану, в результате чего Баранов всю жизнь страдал ревматизмом левой ноги и судорогами. 20 мая 1834 года Николай I даже разрешил ветерану не носить на службе ботфорты, что по тем временам считалось большой милостью. С 1820 года более десяти лет Баранов командовал Волынским полком. В начале войны с поляками он отличился 6 февраля 1831 года в кровопролитном сражении при Окунёве. Но уже через день 8 февраля в бою у Ольховой рощи генерал был тяжело ранен ружейной пулей в голову и покинул армию. Наградой ему стала украшенная алмазами золотая шпага с надписью «За храбрость». В 1840-х годах Баранов командовал 11-й пехотной дивизией, расквартированной в Могилёвской губернии. Умер он 9 апреля 1845 года в Могилёве и был похоронен на Воскресенском лютеранском кладбище. До наших дней сохранилось его чугунное надгробие с надписью: «Уважаемому и любимому начальнику от признателных генералов штаб и обер офицеров 11 пехотной дивизии». Среди многочисленных потомков Баранова два сына тоже стали генерал-лейтенантами: Николай прославился во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, а Александр — на Кавказе и в Туркестане.

Генерал украшен боевыми наградами. Его юность пришлась на период Наполеоновских войн, о чём свидетельствуют серебряные медали в память Отечественной войны 1812 года и за взятие Парижа 19 марта 1814 года, а также голубой крест на шее прусского ордена Pour le Mérite, который тогда получили полторы тысячи русских офицеров. Ниже прусской награды по борту мундира выпущен чёрный польский крест Virtuti militari 2-й степени. Такие кресты были вручены генералам — участникам Польской кампании 1831 года. То есть уже тогда ветеран имел генеральский чин. Но при этом у него нет медали за штурм Варшавы. Следовательно, генерал не находился в главной армии во время ключевого события той войны.

В 1988 году при подготовке выставки картин Турова московский мистификатор Александр Горшман убедил её организаторов, что на портрете изображён генерал-майор Михаил Фёдорович Никитин. Якобы в 1845 году

он командовал пехотной бригадой в окрестностях Пропойска. Четверть века эта атрибуция считалась бесспорной и едва ли не классической. Лишь недавно в ходе составления первого каталога русской живописи Эрмитажа при перепроверке всех данных выяснилось, что Горшман грубо подделал биографию Никитина. На самом деле генерал имел другие награды и вышел в отставку ещё 17 марта 1837 года, после чего жил в Козельце Черниговской губернии, где и умер 20 мая 1852 года. Таким образом, он никак не мог в феврале 1845 года позировать Тулову в Могилёве.

▼ Могила Евстафия Баранова на Воскресенском лютеранском кладбище в Могилёве

▲ Майор Иван Карлович Шенвальд.
Портрет 1844–1847 годов
Государственный Русский музей
Ранее: портрет неизвестного военного

После долгих поисков удалось установить настоящее имя персонажа — генерал-лейтенант Евстафий Евстафьевич Баранов. Несмотря на кажущуюся русской фамилию, он принадлежал к остзейскому роду von Bagaloff и являлся лютеранином с именем при крещении Мориц Густав. Благодаря крупнейшему специалисту по балтийской генеалогии Михаилу Юрьевичу Катин-Ярцеву, мне удалось получить сведения о Баранове из «Балтийского архива», собранного за 70 лет Георгом фон Крузенштерном (1899–1989). Этот архив, в том числе девять тысяч фотографий и снимков портретов балтийских дворян, хранится с 1981 года в центре «Фотоархив Марбурга» при Марбургском университете. Нашёлся там и фотоснимок литографии Баранова, выполненной с портрета Тулова.

В Государственном Русском музее хранится портрет неизвестного офицера. Судя по эполетам с бахромой и двумя звёздочками, перед нами майор. На его груди, как и у Баранова, видны серебряные медали в память Отечественной войны 1812 года и за взятие Парижа 19 марта 1814 года. Но, в отличие от украшенного боевыми наградами генерала, бравый майор имеет лишь мирный орден Святой Анны 3-й степени на груди и орден Святого Станислава 2-й степени на шее. Ниже медалей приколот знак за 25 лет беспорочной службы. Для столь долгой выслуги награды боевого офицера очень невысоки, что сильно помогает атрибуции.

Эполеты с чешуйчатой шейкой, как на портрете, носили офицеры лёгкой кавалерии — драгуны, гусары, уланы. Но при этом на майоре не их блестящая форма, а прозаичный мундир интендантских и хозяйственных учреждений Военного министерства в губерниях. Поскольку такой мундир не менялся с 1830 года до конца правления Николая I, пришлось изучить все соответствующие списки за четверть века. Несмотря на разветвлённую сеть местных военных органов, нашёлся лишь один офицер, подходящий к персонажу картины, — смотритель 1-го Санкт-Петербургского госпиталя майор Иван Карлович Шенвальд. К сожалению, сводные списки не всегда точны, а справочники имеют пропуски и ошибки. Окончательно подтвердить атрибуцию помогла едва заметная деталь — на лбу майора возле причёски видна узкая чёрная повязка.

С началом Отечественной войны 1812 года Шенвальд вступил в Петербургское ополчение и был принят корнетом во 2-й волонтёрный казачий полк барона Боде. В Битве народов при Лейпциге 6 октября 1813 года Шенвальд был ранен пулей в голову. Ранение оказалось настолько серьёзным, что он вышел в отставку. Все мы читали повесть о капитане Копейкине, потерявшем в той же Лейпцигской битве

руку и ногу и доведённом без заботы властей до нищеты и разбоя. Но Гоголь устами рассказчика-почтмейстера оговаривает: «Ну, тогда ещё не сделано было насчёт раненых никаких, знаете, эдаких распоряжений; этот какой-нибудь инвалидный капитал был уже заведён, можете представить себе, в некотором роде, гораздо после».

Подтвердить атрибуцию помогла едва заметная деталь

Действительно, лишь 18 августа 1814 года Александр I создал специальный комитет для помощи раненым офицерам. Со временем он так и стал называться, Александровским комитетом о раненых, и заботился о тысячах военных инвалидов вплоть до ликвидации Совнаркомом 15 октября 1918 года. Помимо пенсий и денежных пособий комитет устраивал инвалидов на разные тыловые должности. Вот и Шенвальд был возвращён на службу и около 30 лет являлся смотрителем разных госпиталей. 1 августа 1849 года он окончательно вышел в отставку. Последний раз его имя упоминается в 1854 году, когда он был городничим в уездном городе Спасске Казанской губернии.

В Государственном литературном музее хранится портрет неизвестного военного с чёрной повязкой на голове. В отличие от предыдущих картин, его атрибуция не вызывает больших трудностей. На персонаже мундир Украинского уланского полка с эполетами генерал-майора. Столы высокий чин в армейском полку мог иметь лишь его командир. Ордена и медали позволяют безошибочно установить личность генерала. Но характерная чёрная повязка сразу подсказывает нужное имя — знаменитый кавалерист Александр Фёдорович Багговут. ▼

Автор — руководитель департамента культуры города Москвы, кандидат исторических наук

Александр Фёдорович (Александр Алексиус Вольдемар фон) Багговут принадлежал к старинному роду норвежского происхождения Baggehufwudt, представители которого через Швецию и Эстляндию попали в Россию и много лет служили ей верой и правдой. Отец Александра доблестно участвовал в войнах Екатерины II, а дядя — знаменитый герой Отечественной войны 1812 года, генерал-лейтенант Карл Багговут, был убит ядром в сражении при Тарутино. С такими семейными традициями юношу ожидала лишь военная карьера: 19 марта 1825 года он был выпущен из 1-го кадетского корпуса офицером в лейб-гвардии Московский полк, что едва не привело к печальным последствиям. Попав под влияние старшего товарища, декабриста Михаила Бестужева, юный прапорщик во время восстания 14 декабря 1825 года упорно отказывался вместе со своим караулом присягать Николаю I. Из-за более серьёзных дел на это сначала не обратили внимания, а в феврале 1826 года Багговут добровольно отправился на Кавказ в рядах Сводного полка из гвардейцев, замешанных в восстании. Храбро участвуя в войне с Персией, Александр не только снял подозрения, но и получил боевые награды, а также обратил на себя внимание начальства.

В следующей войне с Польшей Багговут командовал артиллерийским дивизионом. 7 февраля 1831 года в упорном сражении при Грохове он был ранен пулей в плечо, контужен ядром в левый бок и ранен в левую ногу. Бесстрашный офицер сам себе сделал перевязку. Но тут пуля ударила Багговута в голову, и солдаты вынесли его замертво с поля боя. Положение было критическим: пуля глубоко застряла в черепе и грозила вызвать кровоизлияние в мозг. Хирурги долго и мучительно извлекали её. Наркоза ещё не существовало, но офицер не издал ни одного стона. Только батистовый носовой платок, который он сжал зубами, превратился к концу операции в лохмотья. Несколько дней Багговут находился без сознания в горячке. К общему удивлению, он выздоровел и потом носил злополучную пулю как брелок на цепочке часов. Но тяжёлая рана мучила героя

всю жизнь. С тех пор он всегда имел на голове повязку и мог надевать только мягкие фуражки. Это не помешало ему стать видным кавалерийским начальником, прославившимся во время войны с венграми в 1849 году и особенно против турок на Кавказе. Его лихая кавалерийская атака обеспечила блестящую победу в сражении 19 ноября 1853 года при Башкадыкларе, за что он был пожалован чином генерал-лейтенанта и полководческим орденом Святого Георгия 3-й степени. В кровопролитном сражении 24 июля 1854 года при Кюрюк-Дара, окончательно сломившем турецкую полевую армию, драгуны и казаки снова покрыли себя славой. Командовавший ими Багговут тогда получил контузию ноги осколком гранаты. Последние годы генерал часто жил в Киеве и являлся старостой Феодоровской церкви на Лукьяновке. В 1930-е годы храм снесли, но Багговутовская улица по сей день напоминает о ветеране. В свой смертный час 2 мая 1883 года он очень переживал, что умирает в постели «как бабка», а не на поле боя. К сожалению, мраморное надгробие генерала в московском Новодевичьем монастыре уничтожили в советское время.

▲ Генерал-майор Александр Фёдорович Багговут.
Портрет 1843–1844 годов
Государственный литературный музей
Ранее: мужской портрет

▲ Литография Василия Тимма, 1854 год

▼ Кавалерийская атака Багговута в сражении 19 ноября 1853 года при Башкадыкларе.
Богдан Виллевальде, 1855 год
ВИМАИВиС